

Сунь Цэ настороженно обернулся и просиял от радости: это был Чжоу Юй! Его струящиеся прекрасные волосы, долго барахтавшиеся в воде, промокли насквозь и растрепались, но неизменным оставалось лишь его потрясающей красоты лицо. Он по-прежнему смотрел на него невинными глазами, а Сунь Цэ, словно зачарованный, сделал пару шагов вперед, смертельно боясь, что у него просто галлюцинации:

— Куда это ты запропастился?

Чжоу Юй утер воду с лица и отдал честь:

— Младший офицер не смог одолеть разбойников и был сброшен в воду.

Сунь Цэ от такого объяснения не знал, смеяться ему или плакать, но вдруг заметил, что из лодыжки Чжоу Юя струится кровь, и нахмурился:

— А как это ты умудрился ранить ногу?

Чжоу Юй замер и тут же поспешно спрятал ногу, не желая, чтобы Сунь Цэ это видел:

— Да... пустяки.

В этот момент через борт корабля взобрались еще двое насквозь промокших воина и окликнули их:

— Вы чего там застряли? Идите скорее помогите!

Сунь Цэ, остальные слуги и воины удивленно перевели взгляд на них. Перемахнув через борт и встав на палубу, воины принялись отжимать одежду и наперебой затараторили:

— Молодой господин Чжоу отвел нас двоих к логову речных разбойников и потопил его! Кстати, разве молодой господин Чжоу не поранил ногу? Зовите скорее лекаря!

Только тут Сунь Цэ сообразил: Чжоу Юй лишь притворялся, что его столкнули в воду, а сам вместе с двумя стражниками отправился на дно пустить коту под хвост лодки бандитов. Неудивительно, что тем было некуда бежать и их перебили всех до единого.

Заметив, что Чжоу Юй бледнеет от потери крови и едва держится на ногах, Сунь Цэ почувствовал глухую боль в груди. Опустившись на одно колено, он бережно приподнял ногу Чжоу Юя и положил себе на колено. От этой картины окружающие солдаты разом ахнули. А Сунь Цэ тем временем оторвал край от своей одежды баснословной стоимости и принялся перевязывать рану Чжоу Юя.

Чжоу Юй от изумления широко раскрыл глаза: этот повеса Сунь Цэ разорвал свое платье из бесценной сычуаньской вышивки! И ведь как добр к нему...

— Бофу...

Чжоу Юй нежно глядел на Сунь Цэ, а когда тот закончил перевязку, поднялся на ноги и недовольно бросил:

— Не кричи на меня. Я ведь места себе не находил, волновался до безумия.

Чжоу Юй смущенно опустил голову, думая про себя: и зачем говорить такие неуместные слова при стольких свидетелях?

Кто бы знал, что Сунь Цэ, лукаво изогнув брови, намеренно заговорит еще громче:

— Без тебя ведь и позаботиться обо мне некому! Ты же мой добрый младший братец, иди-ка сюда, поправь старшему брату одежду, а то я воротник не вижу...

Окружающие воины, услышав шутку Сунь Цэ, облегченно рассмеялись — а то ведь они и впрямь могли подумать, что между молодым господином и юношей из клана Чжоу есть какая-то тайная связь. И лишь Чжоу Юй поднял голову и метнул на Сунь Цэ свирепый взгляд. Сколько лет прошло, а он ничуть не изменился: всё тот же избалованный, властный и не желающий слушать ничьих доводов Сунь Бофу!

Видя, как Чжоу Юй с мрачным лицом подошел к нему и принялся поправлять халат, Сунь Цэ не шевелился, лишь молча смотрел на него с улыбкой в уголках губ. Сколько лет прошло, а ты всё так же прекрасен. Воистину, куда красивее тех бессмертных дев, что изображают на свитках.

Чжоу Юй с кислым выражением лица закончил приводить Сунь Цэ в порядок, отвернулся и с недовольством бросил:

— Я устал, пойду спать.

В этот момент один из подчиненных Сунь Цэ стремглав бросился вперед, опустился на колени и доложил:

— Пококой молодого господина Чжоу, как ваш слуга только что проверил, наполовину сгорели, боюсь, отдохнуть там не удастся.

Чжоу Юй лишился дар речи. Сунь Цэ услышал это, схватился за голову и залился громким смехом. Чжоу Юй одарил его свирепым взглядом: он-то еще собирался продемонстрировать

Сунь Цэ свой кислый нрав, но раз уж его собственная комната сгорела... Сунь Цэ, переводя дыхание от смеха, шагнул к нему и с издевкой предложил:

— Тогда... иди спать в мою комнату...

Если бы не присутствие стольких воинов клана Сунь, Чжоу Юй давно бы врезал Сунь Цэ кулаком в землю, а потом приволок и швырнул в воду. Сейчас же ему оставалось лишь почтительно, смиренно и скрепя сердце отдать поклон, выдав сквозь зубы три слова:

— Благодарю молодого господина.

В итоге: одна кровать, двое мужчин, и обстановка становится донельзя неловкой. Чжоу Юй сбросил промокшую одежду, оставшись почти нагишом.

— Ты... уснешь? — тихонько спросил Сунь Цэ прямо на ухо Чжоу Юю, не сводя глаз с его нежной, гладкой кожи.

Чжоу Юй недовольно отвернулся к нему спиной:

— Перестанешь болтать — тогда усну.

Сунь Цэ придвинулся ближе и с плутовской ухмылкой произнес:

— А вот я не усну. Может, позволишь мне немного потратить сил?

При этом он запустил руку Чжоу Юю под бедро, так что тот испуганно перевернулся, в мгновение ока прижал подушку к лицу Сунь Цэ и пробормотал чуть покраснев, злобно зыркнув глазами:

— Эй, я сегодня смертельно устал! Если не будешь спать смирно, я тебя выкину за дверь.

Сунь Цэ с удивлением посмотрел на Чжоу Юя, кивнул и не посмел издать ни звука.

Чжоу Юй видел во сне, будто вернулся на несколько лет назад. Перед ним стоял одетый в красное мальчишка его лет, чье красивое лицо так и лучилось бесцеремонным легкомыслием, а ветер трепал его растрепанную короткую стрижку. Сам Чжоу Юй протянул руку, чтобы поправить ему волосы, а тот с балующей улыбкой произнес:

— Юй-эр, у тебя такая изящная, прекрасная внешность, и сам ты такой мягкий. Вырастешь — выходи за меня замуж, станешь моей госпожой.

— Но, А-Цэ, мы же оба мужчины...

— Юй-эр, я возвращаюсь в Цюйа, обязательно жди меня.

— Не уходи, постой... — бормотал во сне Чжоу Юй, беспорядочно шаря руками вокруг, и вдруг вцепился в грудные мышцы Сунь Цэ.

Сунь Цэ проснулся от боли, сдвинул красивые брови и стал медленно разжимать пальцы Чжоу Юя.

Глядя на то, как Чжоу Юй крепко хмурится, с силой зажмурив глаза, а по его лбу катится холодный пот, Сунь Цэ догадался, что тому снится какой-то кошмар. Подражая тому, как мать успокаивала младшего брата, он легко похлопал Чжоу Юя по спине и тихо утешил:

— Тише, не бойся.

После долгого и утомительного пути они наконец прибыли в Цюйа, в Цзяндун. Едва они вошли в главные ворота поместья клана Сунь, их встретило множество слуг. Из внутренних покоев выбежал мальчишка лет десяти, за которым семенило немало кормилиц. Сунь Цзянь, едва взглянув на него, тут же помрачнел в лице и прикрикнул на челядь:

— Разве младший господин сегодня не занимался книгами?

Управляющий поспешно доложил:

— Слышав, что господин и госпожа возвращаются, молодой господин встал спозаренку, сначала дочитал книгу и только потом вышел.

Сунь Цзянь, услышав это, приподнял брови:

— О? Ну тогда ладно.

Этим мальчишкой был младший сын Сунь Цзяня — Сунь Цюань, по прозвищу Чжунмоу.

Маленький Сунь Цюань перебирал своими коротенькими ножками с невероятной быстротой и помчался напрямик к матери, так что Сунь Цзянь даже не смог его обнять. Чжоу Юй и Сунь Цэ позади тихонько посмеивались над ним, а Сунь Цзянь с досадой бросил:

— В его сердце — только матушка.

Госпожа Сунь обняла маленького Сунь Цюаня и рассмеялась:

— Мой мальчик снова вырос.

Сунь Цюань посмотрел на старшего брата и стоявшего рядом красавца, по простоте душевной приняв того за прекрасную девицу, и детским голоском спросил мать:

— Матушка, кто этот человек рядом со старшим братом? Это новая невестка?

Супрудские супруги разразились громким смехом. Сунь Цзянь подтянул к себе Сунь Цюаня, взъерошил ему волосы и сказал:

— Это Чжоу Юй, брат Гунцзинь, твой старший брат и верный друг на жизнь и смерть.

Сунь Цюань поспешно поприветствовал его:

— Цюань приветствует брата Гунцзиня.

Чжоу Юй пригляделся: младший сын клана Сунь, Сунь Цюань по прозвищу Чжунмоу, так мал, а в чертах лица уже сквозит немалый расчет и проницательность.

Заметив на его руках блеклые шрамы от детских упражнений с оружием, Чжоу Юй легко улыбнулся и произнес:

— Каков маленький Сунь Цэ.

Сунь Цэ остался не слишком доволен и бросил Чжоу Юю:

— Я куда лучше него.

Госпожа Сунь рассмеялась еще заливистой и заметила:

— Такой большой, а все ревнуешь к десятилетнему брату.

Сунь Цэ повел Чжоу Юя в свое жилое крыло во внутренних покоях и велел слугам прибрать для него гостевую комнату.

Этой ночью Чжоу Юй потянулся в своей комнате и уже собирался углубиться в «Искусство войны Сунь-цзы», как вдруг дверь распахнулась и в самый неподходящий момент без стука ввалился Сунь Цэ. С порога он затараторил:

— Ой, брось ты свои книги, от чтения люди глупеют! Пойдем, составишь мне компанию,

полюбуемся луной.

Чжоу Юй с ледяным лицом отказался:

— Бофу, мне нужно прочесть военный трактат. Ступай сам.

Сунь Цэ слегка помрачнел, тихо протянул «о-о» и молча развернулся к выходу.

Чжоу Юй снова углубился в чтение, как вдруг уловил легкий сладковатый аромат. Хоть пахло приятно, но бодрости духа это не прибавляло, напротив — лишь слегка туманило рассудок. Неужели... это возбуждающее благовоние?

Нахмурившись, Чжоу Юй поднял глаза: неизвестно когда Сунь Цэ снова пробрался в его комнату и теперь ковырялся в курительнице.

— Что это за благовоние? — с подозрением спросил он.

Сунь Цэ скосил взгляд на изысканное лицо Чжоу Юя — ну почему такое красивое лицо вечно словно из камня высечено, какая скука!

— Говорят, бодрящее. Я стащил его у госпожи У.

Младшая госпожа У была родной сестрой матери Сунь Цэ; в свое время сестры обе вышли замуж за Сунь Цзяня. Сунь Цэ нахмурился, тоже с любопытством поковырялся в благовониях и протянул:

— И почему мне кажется, что ни капли не бодрит? Чем больше нюхаешь, тем сильнее клонит в сон.

С этими словами он принялся поближе, шумно втянул носом воздух, а потом сплюнул:

— Тьфу! Что за запах? Словно от какой-то женщины разит за версту.

Чжоу Юй с любопытством подошел поближе, желая взглянуть на благовоние, но чем ближе он подходил, тем сильнее у него кружилась голова, а в теле поднималось странное, сладкое предвкушение. Он отлично понимал, что не стоит идти дальше, но при этом чувствовал непреодолимую тягу исследовать эту неведомую опасность. Чжоу Юй, всегда такой правильный и соблюдающий все нормы, всякий раз, видя, как Сунь Цэ творит всё, что душе угодно, в то время как родители вечно требуют от него одного учения, в глубине души тайком завидовал ему. Больше десятка лет он подавлял свои желания, но сегодня невеста почему ему вдруг расхотелось следовать правилам.

Сунь Цэ поковырялся в благовониях, убедился, что они ничем не отличаются от обычных, и решил, что это совершенно бессмысленная вещь. Обернувшись, он хотел было спросить Чжоу Юя, стало ли тому бодрее, но заметил, что у того участилось дыхание, взгляд затуманился, а сам он, покачиваясь, направляется прямо к нему. Сунь Цэ замер: это еще что такое?

Слуги докладывали ему, что в последнее время Чжоу Юй ложится за полночь, усердно изучая военные трактаты, построения войск и карты местности. Видимо, на поле боя на него давила слишком большая ответственность.

Он звал его на рыбалку, но тот отказался. При такой чрезмерной усердности не мудрено и с ног свалиться. И раз уж Чжоу Юй наотрез отказывался отрываться от книг, он решил подsunуть ему немного бодрящих благовоний — в конце концов, это тоже проявление заботы о младшем брате.

Но почему обещанное бодрящее благовоние оказалось таким странным? Дым от него в лучах солнца отливал фиолетовым... А взглянув на Чжоу Юя, он понял: тот выглядит так, будто... Неужели это приворотное зелье?! Перепутал! Неудивительно, что оно ни капли не бодрит!

Встревоженный Сунь Цэ уже хотел залить благовоние чаем, как тонкие, белые пальцы Чжоу Юя внезапно перехватили его запястье. Сердце Сунь Цэ заколотилось птицей в груди. Чжоу Юй в упор смотрел на него своими манящими глазами феникса, и влажный блеск в его зрачках вызывал щемящую жалость. Сунь Цэ смотрел на него как зачарованный, его веки неожиданная отяжелели, словно норовя сомкнуться, и он помимо воли притянул Чжоу Юя к себе в объятия. В ушах зазвучало сладкое, нежное дыхание Чжоу Юя, похожее на благоухание орхидей. Внезапно Сунь Цэ пришел в себя, сообразив, что дело дрянь. Резко развернувшись, он со всего маху швырнул курильницу об пол. Громкий звон разбитого фарфора привел в чувство и изрядно протрезвевшего Чжоу Юя. Сунь Цэ залил остатки благовония целым чайником воды, наконец окончательно погасив дым.

Взгляд Чжоу Юя всё еще оставался затуманенным, ноги не держали, и казалось, он вот-вот потеряет сознание. Сунь Цэ поспешно подхватил его на руки и перенес к кровати, чтобы тот мог лечь и отдохнуть.

Спустя два часа Чжоу Юй резко распахнул глаза, приподнялся на локте и, чувствуя тяжесть в голове, хотя действие зелья уже полностью выветрилось, неуверенно спросил:

— Бофу, ты разве не пойдешь к себе?

Сунь Цэ не оборачивался; с совершенно невозмутимым видом перелистывая военный трактат, он ответил:

— Я боялся, что некий молодой господин снова примется за полночные бдения при свечах и подорвет свое здоровье, вот и остался приглядеть.

Внезапно Сунь Цэ отбросил книгу в сторону и принялся стягивать верхнюю одежду. Чжоу Юй тут же лег и отвернулся лицом к стене; его сердце колотилось о ребра так дико, будто готово было пробить грудную клетку. Он безуспешно пытался себя успокоить: в конце концов, они просто лучшие друзья, нет ничего страшного в том, чтобы лечь спать одетыми.

Желая сменить тему, Чжоу Юй невзначай заговорил о недавнем инциденте с благовониями:

— Это ведь вовсе не бодрящее было, это... э-э...

Не успел он договорить и пары слов, как внутренне обрушил на себя проклятия за глупость: эта тема тоже оказалась неудачной!

— А, это я во всем виноват, перепутал, думал, оно и вправду бодрящее. Впрочем, так даже лучше.

Лежащий за спиной Сунь Цэ прижался вплотную к его боку, и одна его рука легко легла Чжоу Юю на грудь. Тот испуганно дернулся, намереваясь запротестовать: в смысле — «так даже лучше»?

Повернувшись, он обнаружил, что Сунь Цэ уже крепко спит. Тот был смертельно уставшим, но столько времени держался из последних сил... На лице Чжоу Юя проступило мягкое выражение, и, глядя на безмятежно спящее лицо Сунь Цэ, он невольно улыбнулся уголками губ.

Весной 191 года нашей эры прозвучал боевой рог. Исполненные бодрости воины организованно поднимались на корабли, слушая наставления Сунь Цзяня: поход против Дун Чжо — дело великой справедливости для всего Поднебесного мира.

Великая госпожа У, то есть мать Сунь Цэ и Сунь Цюаня, со слезами на глазах прощалась с Сунь Цзянем:

— Стоит тебе уйти, и неизвестно, когда мы снова увидимся. Младшая сестра (в будущем известная как госпожа У, мать Сунь Шансян) вот-вот разрешится от бремени, Сяо-цюань еще совсем мал, а я так тоскую, что не могу отправиться с тобой.

Сунь Цзянь утешал ее:

— Не тревожься, госпожа, я непременно вернусь с победой. А все хлопоты по дому я оставляю на тебя.

Корабль отчалил. Сунь Цзянь помахал госпоже Сунь на прощание, а затем решительно устремил взгляд вперед. Сунь Цэ и Чжоу Юй находились на другом судне, также махая на прощание своим матерям. Чжоу Юй спросил Сунь Цэ:

— Когда мы вернемся, у тебя появится либо младшая сестренка, либо братишка. Разве ты не рад?

Сунь Цэ горько усмехнулся, покачал головой и ответил:

— Ты единственный сын, тебе не понять, как донимает младший брат. Уж лучше бы родилась сестренка.

Чжоу Юй надул губы и тихонько проговорил:

— Я ведь тоже твой младший брат, и я тебя ужасно донимаю.

Сунь Цэ едва не выплюнул вино, которое только что сделал глоток, поспешно опустил кувшин и слегка заикаясь произнес:

— Э-э-э... с чего это ты вдруг заговорил о таком, Гунцзинь? Ты и А-Цюань — это совсем разное, ты и я — это... э-э...

Слова вертелись на языке, но Сунь Цэ никак не мог подобрать определение. Кто друг для друга он и Чжоу Юй?

Чжоу Юй легко улыбнулся и на этот раз сам дружески хлопнул Сунь Цэ по плечу:

— Мы — братья, прошедшие сквозь огонь и воду. А А-Цюань всего лишь сопляк.

Сунь Цэ какое-то время молча разглядывал Чжоу Юя, а потом словно что-то вспомнил:

— Эй, а тебя разве больше не укачивает?

Чжоу Юй моргнул, хлопая своими ясными глазами: и вправду, больше не тошнило! Неужели после того раза его организм усвоил урок и теперь укачивание прошло?

— Я и сам не знаю, почему в этот раз не укачало.

Глядя на озадаченное лицо Чжоу Юя, Сунь Цэ с наглой усмешкой протянул:

— Наверняка потому, что той ночью ты спал в моей комнате! Эй, а давай-ка...

Чжоу Юй двинул Сунь Цэ в голень и с наигранной злостью парировал:

— Давай лучше сегодня я буду спать в твоей комнате, а ты — на палубе.

Сунь Цэ поморщился от боли, потер колено и обиженно заныл:

— Ну нет, ты что! На палубе такой ветрище! Разве мы не договорились, что отныне ты будешь за мной ухаживать?

Чжоу Юй с брезгливой гримасой цыкнул языком, а в уголках его губ затаилась полуулыбка:

— Когда это я с тобой о таком договаривался? Совесть-то потерял.

Он уже повернулся, чтобы уйти, как Сунь Цэ резко схватил его за руку. Их взгляды встретились, воздух словно застыл. Сунь Цэ опомнился и жалостливым голосом произнес:

— Хороший мой братец, у меня нога болит, поддержи меня.

Чжоу Юй приподнял брови и, полуверь-полуневерь, помог Сунь Цэ дойти до каюты. Тот растянулся на кровати и продолжил строить из себя страдальца:

— Ой, болит невыносимо! Гунцзинь, сделай-ка мне массаж ног.

Чжоу Юй глубоко вздохнул, с недовольным видом размял суставы запястий — ему так и хотелось как следует отлупить Сунь Бофу по ногам, чтобы тот больше не притворялся больным. Однако внешне он послушно опустился на колени и стал почтительно и бережно массировать Сунь Цэ ноги. Сунь Цэ любовался изящным профилем Чжоу Юя, и его рот растянулся в довольной улыбке.

Прекрасное лицо Чжоу Юя источало тончайшее, едва уловимое дыхание. Сунь Цэ неосознанно потянулся к нему, желая стать ближе, но стоило ему прикоснуться, как Чжоу Юй настороженно сверкнул глазами и инстинктивно отсел подальше. Уголки губ Сунь Цэ приподнялись в многозначительной усмешке:

— Гунцзинь, чего это ты вечно от меня обороняешься?

Продолжая массировать ногу, Чжоу Юй с абсолютно серьезным видом ответил:

— Вовсе нет. С чего Бофу взяло, что я от тебя обороняюсь?

Сунь Цэ фыркнул со смеху. В таком виде Чжоу Юй казался милее любой девчонки.

Чжоу Юй украдкой бросил взгляд на красивое лицо Сунь Цэ. Тот был широкоплеч и высок

ростом, но черты лица оставались мужественными и лихими. Скользнув взглядом ниже, он заметил чуть проступающие под воротом халата ключицы. Засмутившись, Чжоу Юй тут же отвел глаза. Но Сунь Цэ заметил и это. Игриво протянув руку, он ухватил Чжоу Юя за подбородок и заставил поднять голову, чтобы ему было удобнее любоваться собственным неотразимым лицом. Видя, как Чжоу Юй остолбенел, Сунь Цэ дьявольски ухмыльнулся:

— Гунцзинь, ты что, сейчас тайком на меня глазел?

Чжоу Юй на мгновение растерялся, тут же смахнул руку Сунь Цэ и бросил на него возмущенный взгляд своих оленых глаз:

— Какое еще тайком? Разве на тебя нужно смотреть украдкой?

Сунь Цэ, глядя на донельзя раздосадованного Чжоу Юя, испытывал чистейший восторг и, гордо рассмеявшись, заявил:

— Наш младший господин и впрямь невероятно хорош собой, Гунцзинь, можешь не стыдиться.

Чжоу Юй наконец не выдержал, поднялся на ноги и с недовольством произнес:

— Если больше нет приказаний, Юй удаляется.

На самом деле ему хотелось поскорее сбежать отсюда — жар на его лице все не спадал. В тот самый момент, когда он уже развернулся, Сунь Цэ единым рывком перехватил его за руку и без лишних слов притянул к себе на колени. Чжоу Юй очутился в объятиях Сунь Цэ и инстинктивно заглянул тому в лицо. А тот, не отрывая глаз от невероятно прекрасных зрачков Чжоу Юя, с насмешливой улыбкой проговорил:

— Гунцзинь, ты меня всего рассмотрел, а мне вдоволь полюбоваться собой не разрешаешь. Нечестно получается, верно?

Лицо Чжоу Юя вспыхнуло пунцовым, в голове образовалась абсолютная пустота. Собрав все силы, он оттолкнул Сунь Цэ, вскочил на ноги и что есть мочи бросился к себе в комнату. Вслед ему неслись всё отдалявшиеся раскаты насмешливого смеха Сунь Цэ. Спустя мгновение в комнату Чжоу Юя вприпрыжку вбежал Цжоу Хань и с порога затараторил:

— Молодой господин, я вернулся! Как же здорово на корабле! Я только что даже потрогал кормовой руль... Молодой господин? Молодой господин, что с вами?

Заметив, что лицо Чжоу Юя странного цвета, Цжоу Хань умолк и встревоженно уставился на него, пытаясь угадать выражение его лица. Чжоу Юй все еще не мог унять дико колотящееся в груди сердце. Глубоко вздохнув, он попытался придать лицу невозмутимое выражение и выдал из себя всего два слова:

— Ничего.

Господин Сунь гибнет, появляется Цзыцзин.

Цжоу Хань ни капельки не поверил. Он поднялся и пригрозил Чжоу Юю:

— Если молодой господин не скажет слуге правду, тогда слуга пойдет спросить у молодого господина Суня!

Чжоу Юй опередил его, преградив дорогу у двери, свирепо зыркнул на слугу и рявкнул:

— Наглый раб, хочешь, чтобы я тебя отлупил?

Цжоу Хань тут же сник — Чжоу Юй отродясь не собирался его наказывать — и послушно вернулся к столу, сев со словами:

— Молодой господин, да что же стряслось... Расскажите слуге, я помогу вам избавиться от тревог.

Вспоминая, как при столь близком расстоянии дыхание Сунь Цэ касалось его лица, а его красивое лицо находилось от него ближе, чем на ладонь... что тогда Сунь Цэ собирался с ним сделать? При одной этой мысли сердце Чжоу Юя от смущения забилося с новой силой, и он невольно нахмурился, прижав руку к груди и опираясь о край стола.

Видя, как его молодой господин донельзя покраснелся и судорожно вцепился в грудь, Цжоу Хань решил, что Чжоу Юй заболел, и испуганно собрался бежать за лекарем. Чжоу Юю ничего не оставалось, как выложить всё начистоту, лишь бы уговорить Цжоу Ханя.

Выслушав рассказ, Цжоу Хань широко распахнул глаза, а по его лицу поползла предвкушающая улыбка сплетника:

— Ого-го! А молодой господин Сунь и впрямь пылает к нашему господину страстью! Ну а что же молодой господин к молодому господину Суню?

Чжоу Юй не стал отвечать с ходу. Вспомнив детские слова Сунь Цэ, он тихо ответил:

— Я не знаю.

Цжоу Хань тут же напомнил ему:

— Старый господин велел нам неустанно поддерживать хорошие отношения с кланом Сунь, но

сейчас отношения молодого господина с молодым господином Сунем...

— Какая еще связь? — в этот самый момент дверь внезапно распахнулась, и в комнату ввалился изящный, утонченный молодой господин, бросивший на них столь выразительный взгляд, что от него остановилась бы любая девица.

Цжоу Хань нахмурился и недовольно подумал: что за мода нынче пошла у всех подряд подслушивать чужие разговоры?

— Ты еще кто такой?

<http://bllate.org/book/22340/2340626>